

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ

Посвящена объективным и субъективным процессам объединений методологии. Рассматривается базовая структура этих процессов — продолжительность.

Ключевые слова: время, пространство, продолжительность, структура, система, методология.

A.A. Atanov

DURATION IN THE SYSTEM OF METHODOLOGY

This article discusses subjective and objective processes of methodology merging, and studies duration as the basic structure of these processes.

Keywords: time, space, duration, structure, system, methodology.

Платон связывал процесс припоминания («Федон» и другие диалоги) с конструированием самой реальности. Каждому человеку от рождения дана полнота знания, нужно лишь правильно припомнить. Любое знание не будет новым, оно связано с тем, что уже происходило. Отнесенное ко времени, всякое знание связано с прошлым, а не с настоящим, следовательно, все логические структуры восприятия определены прошлым, а не настоящим. Но в этом и сложность — прошлое Платона, так же как и настоящее и будущее, связаны не со временем, а с вечностью. Вечность и единство форм и содержаний, над которыми не властно время. Реконструкция структур восприятия будет определяться не длительностью, а произошедшим опытом и былым состоянием, через наполненность длительности, посредством памяти и рефлексии. Но возможность определения и включения прошлого будет полностью зависеть от ситуации настоящего, в которой и создается возможность обретения вечности, а не прошлого посредством формы определенности — активного синтеза. Не будем забывать о том, что раскол и означает структурирование структуры, а значит, раскол присущ и длительности.

Постоянная раздвоенность и расколотость целостности является характерной чертой философии Платона. Видимо, это идет от учителя Платона Сократа. Это постоянно присутствующий во всех философских построениях Сократа даймоний, который и сообщал истинность и подлинность суждениям Сократа, давая возможность создать смысл, не зависящий от времени и личного опыта, который всякий вовлеченный в диалог с Сократом, считает подлинной действительностью. Именно даймоний, вводящий раскол в структуру личного опыта и диалога, позволяет увидеть и понять, то что происходит на самом деле создавая ситуацию присутствия, указывающую на реальность, а не на самоуспокоение личного опыта, отсюда всегда шок у собеседника, когда то, что казалось реальностью исчезает, похоронив под собой и личный опыт и саму структуру личности.

Пространственная ориентация не производная от времени, а, наоборот, время будет производным от пространства личного опыта человека.

Конструируется не длительность, а конкретная телесность (причем не тело, а само содержание и наполнение жизни, ведь воплощение связано с разрушением вечности, из которой изымается человек, для того, чтобы через жизнь он обрел целостность, а не удерживал свой распад в вечности), которая связана с «здесь и теперь» человека. Длительность дается как пассивный синтез. Конкретная телесность — это положенность человека в предметный мир. Вспомним блистательную характеристику предметности М. Хайдеггера на семинаре в Церингене 1973 г.: «Предметность есть способ присутствия или, точнее, предметность — это бытие присутствующим (Anwesendsein) в измерении или «пространстве» субъективности, — идет ли речь о субъективности конечного субъекта (у Канта) или же о субъективности абсолютного субъекта (у Гегеля), который в знании самого себя пронизывает как объект, так и субъект, а также их отношение».

Как мы видим, у Хайдеггера намечается тот же подход к пространству субъекта, пространство оказывается возможным в способе присутствия. Способ присутствия определяет объект, субъект и их отношения. Другими словами, способ присутствия возникает в системе взаимопроникающей активности и пассивности, которые, в свою очередь, возникают в присутствии взаимодействующих синтезов активности и пассивности. Конкретная определенность и положенность — это активность, основная же способа присутствия — это длительность. Хайдеггер в своей характеристике предметности, которое бытие означает как Gegenstandsein (адекватный перевод немецкого термина почти невозможен), идет от текстов Платона и Аристотеля. Они дали основополагающее определение бытия сущего: бытие есть местожительство (Anwesen), для Платона и Аристотеля такое определение было совершенно очевидно.

Юм и Бергсон резко поменяли представление о времени, вместо указания на связь с прошлым и опоры на былое опыт стал конструироваться в его длительности. Возникла ситуация, при которой резко изменились ориентиры человека и человечества. Особенно это сказывается на ситуации понимания. Общение людей друг с другом, независимо от того по поводу чего и в какой ситуации происходит это общение, тесно связано с пониманием. В системе общения понимание должно быть перенесено из прошлого в настоящее — длительность и синтез времени. Человечество сейчас слишком тесно связано с настоящим и будущим, прошлое теряет свое значение и ценность. Настоящее «сейчас» — это множество изменений и очень быстро меняющийся мир. «Сейчас» нужно не помнить, а жить. В современности создана ситуация, в которой совсем по-иному стали отражаться временность и смысл.

Посредством длительности легко можно связать данность и ее информационное содержание. В физике и кибернетике энтропия является мерой информационной емкости системы, т.е. количеством битов данных, описывающих ее внутреннее состояние. Через это определение мы можем перейти к активному синтезу, который выражает внешнюю данность длительности, поэтому активный синтез не длительность, а ее энтропийное и информационное содержание, но использовать в качестве основания информационное содержание возможно при определении процесса в рамках меры хаоса, возникает связь объективного и субъективного в системе теории хаоса и теории информации.

Если информация измеряется в битах, то, значит, она ограничена, а, следовательно, хаотическое основание измеримо — выражаемо в

знаковой форме и в соответствующей ей конкретном информационном содержании, в то время как длительность находится за пределами хаотических процессов или же является основанием возникающих точек бифуркации, информационное содержание длительности абсолютно невыразимо. Процесс поэтому легко отображается в знаковой форме, тогда как длительность указывает на его символическое содержание, находящееся за пределами энтропии. Можно сказать, что поверхность — это информация, глубина — это длительность. Единство знаковой и символической форм, полагаемое через присутствие в чувственно-телесном космосе, и дает нам понимание особенностей греческого мировоззрения или, точнее, самой жизни древнего грека. Знак связан с символом, но остается знаком, мы оказываемся в дышащем живом мире, у которого есть складочки, выпуклости и впадинки, — мир жив, и жив как дышащая живая поверхность, обладающая формой, — это и есть тело.

В христианстве телом не пренебрегают, но тело понимают как то, что при недолжной организации души может привести к гибели. Поверхность здесь втянута в глубину, поверхность ищут в глубинах. «Из глубины воззвав к Тебе, Господи». Глубины здесь разные, глубина собственного падения и глубина собственного погружения в Господа. И то и другое невозможно выразить знаками, а только символами. Причем тот, кто пал, не способен воспринимать символы, ведь у него нет бытия, а есть лишь серый бесконечный цвет распада, а не жизни. В психологии такие состояния называются психотическими и из них практически невозможно выйти без чужой помощи, человека, который знает, как выходить из бесконечности распада и гниения. Какие в гнили могут быть символы? Ведь жизнь здесь едва брезжит!

Не случайно в христианстве знаки есть лишь внешняя выраженность, которая подлинное значение обретает уже не в личности, а в личности, связанной с Богочеловеком. Отсюда и икона, в которой тело указывает на нетелесный смысл и значение. Тело Господа, Богоматери и Святого указывает на символическую данность, а значит, смысл дается здесь не в знании, а в жизни, мудрость не ума, а сердца. Жизнь как абсолют. Но вместе с тем «...познайте Истину и Истина сделает Вас свободными». Вспомним «...мудрость мира сего». Тело здесь находится не в поверхности, а в глубине, с ней связано и понимание Духа, души и тела. Не поверхность, а глубина. Тело воспринимается как основание для совершения покаяния и подвига веры. Амбивалентность глубины указывает вовсе не на двойственность мира, а на то, что есть, и на иное, что столь же абсолютно не есть. Отсюда, из этой онтологической определенности, происходит другое отношение к телу и знанию.

Возникает странная общность между теми, кто через знание-жизнь постигает истину, — гностиками и современными исследователями, которые определяют энтропию, но энтропия — это еще не все. Ведь смысл символа — одно, а смысл информации — иное, вне их единства не может быть раскрыт смысл как таковой. Мы живем не поверхностью, а расчленением. Глубина мыслится как разрез, как умножение, как рост и становление. Наша поверхность ранена, но при этом нужно помнить, что по поводу раненой поверхности писала Мелани Клайн. Всякий взрослый человек вынужден в каждый момент своего существования вновь решать проблему самоотождествления в отношении измененной внешней ситуации, которая рассматривается как смена обстоятельств, любая проблема здесь относится к настоящему существованию, а не к бытию. Человек че-

рез ситуацию смены обстоятельств превращается в человека без жизненного опыта или же в человека, который не может воспользоваться своим жизненным опытом. Современный человек в этой ситуации оказывается ребенком, открывающим для себя внешний мир в его длительности, что многие не замечают, в результате происходит превращение человека в раба обстоятельств. Обстоятельства понимаются как нечто предзаданное, приводящее к ситуации.

Становление современности полностью подчинено длительности, причем длительности индивидуальности, индивидуальность превращает присутствие в собственное достояние через активный синтез. Активный синтез удваивает собственную память и рефлексивность, связывая их силой действия и определенности, как отмечал Гуссерль, нет ничего более неустойчивого, чем устойчивость. Выделение структур происходит только в расколе, поэтому мир при индивидуалистическом подходе оказывается в данности длительности, которая претерпела двойной субъектный раскол, что делает длительность не пассивным синтезом (так как происходит не одинарное, но двойное отрицание в рамках субъективности), а личной данностью индивидуальной очевидности. Возникает разорванность, но отнюдь не единого бытия, а человеческого опыта, без этой разорванности нет присутствия, устойчивым основанием которого была длительность, а есть только временность активности, изменчивости и «устойчивости».

Бытие без структурной разорванной собранности человека не местоположение, а индивидуалистическая значимость субъекта, который не в состоянии взглянуть на самого себя, каким тут будет бытие, если жизнь стремится к нулевым состояниям, где нет ни любви, ни радости, ни счастья, где нет даже возможности принять себя. Поиски единого смысла становятся невозможными, у каждого есть «свои часы», каждый стремится создать свое собственное логическое соответствие временности, которую понимает в структурах длительности, как присутствие, но присутствие активное, что полностью отрицает пассивный синтез длительности, ведь не создана сама длительность, так как не оформлен разрыв активного и пассивного, а, следовательно, не собираются ни центр, ни структурность структуры, ни сам человек.

Важной в этой ситуации становится проблема понимания не только того, что мы можем увидеть во внешнем мире, но и того, что происходит в системах коммуникации общающихся друг с другом людей. Человечество входит в новую информационную эпоху. Законы, по которым функционирует информация, отличаются от тех, по которым устанавливаются связи предметного мира. Даже экономика, удовлетворяющая материальные потребности людей, включает в себя и виртуальную реальность, которая определяет совершенно иные типы взаимодействий людей в экономическом процессе. Понять то, что происходит в информационном обществе в его экономическом срезе, можно, только отнеся его к определенной системе координат. Длительность с успехом позволяет преодолеть ситуацию непонимания, которая активно продуцируется разными способами мышления и рациональности, зависящими от конкретной культурной среды. Культурная среда выступает как доминанта, в отношении которой и в рамках которой выражается специфика того или иного типа мышления.

В современных исследованиях, касающихся анализа текста (в том числе политического, экономического и т.д.), имеющего отношение к

функционированию реальности, которая, казалось бы, мало зависит от системы сложившихся представлений, были получены весьма специфические выводы. Текст (в расширительном толковании значения этого термина) всегда строится в соответствии с использованием той или иной мыслительной структуры, которая определяется, в том числе правилами, описывающими построение смысла с использованием треугольника Фреге. Кроме того, мыслительная структура, соответствующая лингвистической (смысл как структура), оказывается вариативной, изменяющей свое значение в зависимости от способа мышления и способа своего включения в мыслительные графы. Исходя из используемых мыслительных структур, выделяют два типа мышления: процедурное и процессуальное. Суть их сводится к следующему:

1. Процедурное кодирование изображает концепцию автора узлами, а причинные связи — стрелками, соединяющими узлы. Стрелки, выражающие причину, в своем значении несут возможность оценки процесса и разделяются на позитивные, негативные и нейтральные (нейтральные указывают на отсутствие связи между узлами).

2. Процессуальное кодирование изображает авторские концепции в форме взаимодействия процессов. Каждый процесс имеет вид вертикальной стрелки, идущей от «начальной точки» к некоторому «результату». «Результаты», в отличие от процедурных «целей», носят неопределенный, метафорический характер. Процедура в данной системе указывает на дискретные переходы от одного состояния к другому. Мир как целое и единое уже не существует, есть лишь отдельные дискретные состояния мира, которые между собой связаны. Процедура и образует собой последовательность. Изменение через фиксацию в рамках процесса невозможно — идет один непрерывный процесс становления, было одно, стало другое (иное). Структурно фиксировать указанное изменение невозможно, поэтому вводятся индикаторы, по которым определяется характер изменения. Временные переходы для характеристики изменения в рамках процедуры просто невозможны. Мир остается единым, но находящимся вне временного изменения, т.е. сопряженным с вечностью, на которую и указывают все происходящие временные процессы.

Длительность в двух этих системах мышления, казалось бы, не проявлена и не может быть выражена, так как для длительности характерно единство логических процессов, но на самом деле это не так. Длительность двойственна в ее связи с логическим конструированием. Если длительность указывает на дискретные состояния — последовательность «ударов часов», то это процедура. Если последовательность рассматривается как образующая единство, в том числе и логическое, — это процесс. Необходимо иметь в виду и наличие субъективного восприятия, которое и приводит к логическому основанию длительности. Если есть индивидуальная фиксация последовательных состояний в отношении длительности — это процедура, если индивидуальность при этом рассматривается как включенная в длительность — это процесс.

Для определения данных состояний в системе индивидуального опыта личности не существует адекватной методологической базы, но в системе определенного мировоззрения, связанного с совершенно конкретными культурными традициями, анализ становится возможным. Он определен в системе языковой реальности, но выражает логические структуры, связанные с мировоззрением. В результате мы можем говорить как о преобладающих о тех или иных структурах мышления, ко-

торые указывают на процедурный или процессуальный тип мышления. Вместе с тем, если мы хотим решить ту или иную абсолютно конкретную задачу, необходимо прибегнуть к механизмам процедурного мышления, иначе никакая конкретная «цель» достигнута не будет. В этой области наша страна являет собой печальный пример — так как «цели» не определены, получаются метафорические «результаты», которые на уровне обыденного сознания фиксируются в форме стереотипов «все у нас получится», «все будет хорошо», «надежда умирает последней». И это тогда, когда необходимы «узлы связей» и совершенно определенные «цели» для фиксации проблемы и конкретных поисков ее решения!

Однажды я услышал фразу, которую произнес человек, долгое время живущий на Западе, будучи сам выходцем из одной восточноевропейской страны: «На Западе нет трагедий». И с этой фразой можно согласиться, если иметь в виду доминирующий «процедурный» тип мышления в США и западноевропейских странах. Любое событие, произошедшее с человеком, который живет на Западе и является носителем определенной ментальности, всегда анализируется со следующих позиций: что я могу сделать и какие есть у меня навыки и способности, чтобы быть адекватно включенным в событие. Любая ситуация рассматривается не как онтологическая, а как деятельность-индивидуалистическая, выраженная в состоянии присутствия человека в мире, отсюда и особая онтология реализма, а не субъективистских переживаний, не надежды, а жизнь.

В длительности возникает особый способ взаимодействия человека с миром, операционная логика причастности. По своей логической сути она связана с силлогизмом, состоящим из пяти членов, который используется в системе ньяя-вайшешика, силлогизмом индуктивно-дедуктивным. Его членами являются тезис, основание, пример, применение и вывод. Последователи мимансы пошли на упрощение, признав, что для построения вывода достаточно либо трех первых, либо трех последних членов силлогизма. Если, опустив «пример», мы используем три последних члена силлогизма, то получим классический аристотелевский силлогизм по его первой фигуре. Тем самым классическая европейская логика, указывая на последовательность, исключает при этом длительность. Поэтому настоящее, ставшее доминантой для определения статуса современности, нуждается в иных формах, в том числе и в научной рационализации, и в новой логике, по-иному определяющей онтологические структуры (в том числе смысл как особого рода качественную определенность).

В Европе и в Америке новая логика стала формироваться в конце девятнадцатого века (символическая логика), человеческая индивидуальность и психика, как опыт (фрейдизм), и в двадцатом веке экзистенциализм, как система событий, налагаемых на структуру личности. Россия оказалась в стороне от этих процессов. Ведь буддисты считают реальность динамичной, а не статичной, но в логике реальность стабилизирована в понятиях и именах. Конечная цель буддистской логики — объяснение отношения между динамичной реальностью и статичными конструкциями мысли (см. Stcherbatsky Th. The Buddhist Logic). Именно буддистская логика способна наиболее адекватно отобразить все, что возникает в отношении длительности. Практические цели в рамках использованной методологии очень легко могут быть объективированы при решении конкретных задач экономического и политического пла-

нирования, при их использовании возникают иные способы формализации и описания происходящих процессов в системе четко определенного типа мышления и получаемых при этом «целей» и «результатов». Но вместе с тем это будет не логика «конечного освобождения», а логика, по которой функционирует майя.

Системы управления в экономике всегда образуют органическое единство с тем или иным доминирующим способом мышления, характерным для определенного исторического периода или способа организации. Примером может служить широко используемый в производстве сетевой график, который упорядочивает технологические и производственные процессы в соответствии с процедурной схемой мышления. Любая управленческая или производственная структура классического предприятия строилась именно так. Но в современном мире, где качественная определенность зависит от информационной составляющей, на первый план начинает выходить не процедура, а процесс. Экономика уже не представляет собой определенность, которая объединяет качественно разнородные действия. Экономика в современных условиях представляет собой единое информационное поле, где любое действие должно выступать согласованным с другими действиями, экономическая определенность и конкретность возникает не в данности, а в длительности.

Экономика сегодня характеризуется совокупностью процессов, которые обладают целостностью, прежде всего, информационной. Определенность экономической значимости и достоверности возникает при соединении действия со смыслом, который только опосредованно связан со структурой действия, смысл в данном контексте — это единство информационного поля экономики, которое и определяет необходимость тех или иных действий. Длительность — онтологический конструкт, снимающий противоречия между деятелем и действием в действительности действия и в действительности смысла. При таком подходе экономика может обладать как традиционным, так и знаковым содержанием. Определенность экономики в отношении длительности может быть заложена в повторении и в структуре происходящих процессов. Процессы в длительности оказываются субъективно моделируемыми, что позволяет говорить об управлении этими процессами и об их организации. Длительность есть способ описания реальности. Для западной мысли реальность это одно, для восточной мысли — совершенно иное. Если мы найдем способ выстроить взаимоотношения между ними, то возникнет особого рода диалектическое взаимодействие, через которое можно будет построить новую логику и теорию познания, которые не вдаваясь в трактовку соответствующих оснований, определяют непосредственно происходящий процесс.

Информация об авторе

Атанов Андрей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, кафедры философии, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: phil@isea.ru.

Author

Atanov Andrey Alekseevich — Doctor of Philosophy, Professor, Chair of Philosophy, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: phil@isea.ru.